

НОРМАТИВНАЯ ЭТИКА

А.А. Скворцов

Война в философском мировоззрении В.В. Верещагина

Скворцов Алексей Алексеевич – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры этики. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, философский факультет. Российская Федерация, 119234, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4.; e-mail: lambis@mail.ru

Статья посвящена анализу взглядов на войну крупнейшего русского художника-баталиста В.В. Верещагина (1842–1904). На основании анализа живописных полотен, а также литературных и публицистических произведений Верещагина показано, что художник обладал оригинальным мировоззрением, которое можно с полным правом назвать философским. В творчестве художника парадоксальным образом соединились гуманистические, пацифистские и милитаристски-патриотические мотивы. Верещагина трудно причислить к какому-либо идейному лагерю в России конца XIX в., скорее, идейный склад его полотен формировался под влиянием увиденного в многочисленных путешествиях. Свою независимую точку зрения художник был склонен называть «реализмом», но понимал под ним возможность посредством наиболее точной передачи события делиться собственными впечатлениями от увиденного. Для живописи Верещагина характерно обезличивание героев военных сюжетов, помещение их на полотно в нарочито неудобных позах. В этой тенденции можно усмотреть влияние Л.Н. Толстого, который подчеркивал значение бессознательных сил, движущих людьми на войне. Толстовские мотивы также узнаются в ироничном, а иногда и прямо уничижительном изображении известных исторических личностей. Автор приходит к выводу, что Верещагин относится к войне как к стихийному бедствию, которое вечно будет сопровождать развитие общества. Но в поле зрения живописца попадает не только война, но преимущественно положение человека на войне. Сюжеты картин показывают, что перед лицом смертельной опасности человек, в зависимости от своего внутреннего склада, может проявлять лучшие качества. Сама же война, как движение масс, осуществляющих вооруженное насилие, по мнению Верещагина, ни к чему хорошему не ведет.

Ключевые слова: В.В. Верещагин, война, философия войны, живопись, гуманизм, милитаризм, реализм, масса

Василий Васильевич Верещагин – художник, чье творчество уже более чем полтора века вызывает ожесточенные споры. Причем споры касаются не только идейного содержания его полотен, как это часто бывает в живописи, но также их эстетической ценности, исторической правды изображений и даже фактов биографии, которые повлияли на мировоззрение автора. Действительно, о Ве-

рещагине ходит столько мифов и легенд, что кажется, речь идет о нескольких, не похожих одна на другую судьбах. Рассказывают, что он шел в атаку с русскими солдатами под Самаркандом и убивал противников штыком, за что был удостоен Георгиевского креста 4-й степени, что император Александр II высказал крайнее недовольство его картинами и живописец вынужден был уничтожить некоторые из них, что якобы знаменитый немецкий полководец Х. Мольтке, посетив выставку Верещагина в Берлине, запретил германским офицерам смотреть на полотна художника, дабы не получить отвращения к войне, что на выставке в Вене католический монах, возмущенный евангельской серией Верещагина, облил одно из его полотен кислотой. Наконец, утверждают, что в Соединенных Штатах рассматривался вопрос о предоставлении живописцу гражданства с целью, чтобы он основал американскую школу живописи.

Что из приведенных фактов – выдумка, а что правда, можно узнать, ознакомившись с автобиографическими произведениями Верещагина; живописец является автором множества публицистических и литературных статей и очерков. Но даже подробное изучение биографии художника оставляет чрезвычайно противоречивое – а лучше сказать, парадоксальное – впечатление о его мировоззрении. С одной стороны, пацифист и антимилитарист, номинированный на первую в истории Нобелевскую премию мира. С другой, принял участие во всех войнах, которые вела в его время Российская Империя, был представлен к боевым наградам и фактически погиб в бою на броненосце «Петропавловск». С одной стороны, гражданин мира, работающий над своими полотнами в Париже и Мюнхене и прославлявший в т. ч. смелость народов Туркестана в героической поэме «Варвары». С другой – убежденный патриот, создавший цикл произведений «1812 год». Признанный художник-баталист, автор нескольких монументальных полотен, но содержание этих картин далеко от традиционного понимания батальной живописи, где на первый план выходит героическая сторона войны, а не страшная, как у Верещагина. Кроме того, «картин-миниатюр» на военную тематику у него больше, чем батальных, а содержание у них не менее глубокое¹. С первого взгляда кажется, что Верещагин – мыслитель-гуманист, но разве нет в его живописи момента эстетизации насилия, характерного, например, для серии из трех картин «Казни»? Наконец, самое известное произведение художника «Апофеоз войны», подписанное «Посвящается всем великим завоевателям – прошедшим, настоящим и будущим», для внимательного зрителя обладает также парадоксальным содержанием. С одной стороны, древний варварский обычай складывать головы поверженных врагов для устрашения будущего противника кричит об ужасах войны, но, с другой, нет никакого сомнения, что изображенные на переднем плане черепа... смеются. Причем можно увидеть разные степени смеха: от саркастической улыбки до гомерического хохота. Что же хотел этим сказать художник?

Распутывать парадоксы, связанные с живописью В.В. Верещагина, можно очень долго. Ясно, что и его творческий путь, и биография свидетельствуют о художнике как о человеке смелом, независимом, ломающем стереотипы и имеющим обо всем свое глубокое, обоснованное мнение. Насколько же надо быть уверенным в своем призвании, чтобы в 27 лет публично заявить: «Из-

¹ Стоит только упомянуть серию полотен «На Шипке все спокойно», которая, как удалось выяснить, на данный момент находится в частной коллекции.

вестясь о том, что Императорская Академия Художеств произвела меня в профессора, я, считая все чины и отличия в искусстве, безусловно, вредными, начисто отказываюсь от этого звания»², а затем, еще через 9 лет, за отказ П.М. Третьякова представить картину «Перед атакой» в Санкт-Петербурге якобы из-за «ужасной тяжести рамы» и трудностей пересылки огромного полотна из Москвы бросил известному меценату телеграмму: «Мы с Вами более не знакомы»³. Если же говорить о творческом кредо В.В. Верещагина, то лучше всего оно будет выражено такой фразой «Я живописец, который никогда не писал и не буду писать ни одной картины по заказу даже самых высоких лиц... Мои картины написаны не в угоду какой-либо тенденции, но искренно соответствуют моему убеждению...»⁴.

В этой статье мы претендуем лишь на то, чтобы порассуждать о философских взглядах В.В. Верещагина на войну и показать, какие идеи легли в основание его столь парадоксальных взглядов на вооруженное насилие. Существует устойчивое мнение, что Верещагин – пацифист или, по крайней мере, антимилитарист. Так, писатель Н.Н. Брешко-Брешковский в книге, посвященной памяти Верещагина, так формулирует свое впечатление от творчества художника: «Все ужасы войны переданы знаменитым художником с поразительным искусством и заставляют зрителей переживать те тяжелые настроения, которые испытывали ее участники... Его тенденция – протест против войны и ее жестокостей»⁵. Близок к этому мнению и биограф Верещагина Ф.И. Булгаков, указывавший, что произведения художника «...везде производили глубоко-потрясающее впечатление, и тем более сильное, что в них изображались сцены войны такими, какими наблюдал их сам художник воочию, кровавыми и ужасными, клеймящими войну, как великую несправедливость, как отвратительнейший нарост на цивилизации. Внушая отвращение к войне, такие картины весьма естественно побуждали зрителя мыслить и действовать в интересах идеи мира»⁶.

Часто защитники пацифистских взглядов В.В. Верещагина цитируют его фразу из письма П.М. Третьякову: «Передо мною, как перед художником, война, и ее я бью, сколько у меня есть сил; сильны ли, действительны ли мои удары – это другой вопрос, вопрос моего таланта, но я бью с размаху и без пощады»⁷. Но есть и другие, противоположные, мнения. Известный русский публицист начала XX в. М.О. Меньшиков дает такую неожиданную характеристику в статье «Лев Толстой, Менделеев, Верещагин» (1904 г.), написанной в связи с завершением первого года Русско-японской войны:

Все трое, встревоженные громом войны, откликнулись на нее громко и каждый по-своему. Философ, ученый, художник, все трое глубокие старики... Толстой без всякого колебания осудил войну, Менделеев принял войну, по-

² Письмо от имени находящегося в Индии В.В. Верещагина опубликовал в газете «Голос» (№ 252, 1874 г.) В.В. Стасов. См.: *Булгаков Ф.И.* В.В. Верещагин и его произведения. СПб., 1905. С. 83.

³ Переписка В.В. Верещагина и П.М. Третьякова. М., 1963. С. 69.

⁴ Цит. по: *Стасов В.В.* Верещагин об искусстве // *Стасов В.В.* Избр. соч.: в 3 т. Т. 3. М., 1952. С. 25.

⁵ *Брешко-Брешковский Н.Н.* Русский художник В.В. Верещагин. СПб., 1904. С. 5.

⁶ *Булгаков Ф.И.* В.В. Верещагин и его произведения. С. 11.

⁷ Переписка В.В. Верещагина и П.М. Третьякова. С. 37.

считав ее неизбежной, и призывает дать отпор врагу... Самый же младший из стариков, Верещагин, сорок лет писавший ужасы войны и сделавший для опорочения ее несравненно больше, чем кто-либо, при первой же тревоге, как и в молодые годы, сам бросился на войну... Он добивался премии Нобеля и чуть было не получил ее, но лично он страстно любил войну и был прирожденный воин...

Не любя войны, не тяготея к ней страстью, как к любимому пороку, он не в силах был бы изобразить войну с такою трагическою правдой...⁸

Отметим, что, во-первых, Меньшиков ставит В.В. Верещагина в один ряд с такими гениями, как Л.Н. Толстой и Д.И. Менделеев. Во-вторых, он показывает, что взгляд на войну художника – значительно более глубокий, а лучше сказать – философский. Почему человек, якобы проклиная войну, шел на новую войну? И не как художник-летописец, а как тот, кто пережил все возможные события войны: и шел в самый огонь, и убивал, и был ранен, и потерял на войне брата, и занимался штабной и дипломатической работой в Балканскую войну, и, наконец, был награжден боевым орденом, а от награды золотой шпаги отказался, считая себя не кадровым военным, а всего лишь волонтером. То, что за всем этим скрывается определенная философия, косвенно подтверждает и сам художник: «Не могу выразить тяжесть впечатления, выносимого при объезде полей сражения в Болгарии, в особенности холмы, окружающие Плевну, дают воспоминаниями. Это сплошные массы крестов памятников, еще крестов и крестов без конца. Везде валяются груды осколков гранат, кости солдат, забытые при погребении. Только на одной горе нет ни костей человеческих, ни кусков чугуна, зато до сих пор там валяются пробки и осколки бутылок шампанского, – без шуток. Вот факт, который должен остановить на себе, кажется, внимание художника, если он не мебельщик модный, а мало-мальски философ»⁹.

Какие же идеи относительно войны составляют эту философию? Основой мировоззренческого склада В.В. Верещагина является реализм. Это неоднократно подчеркивал и он сам, и его критики. Реализм в первую очередь означает, что писать надо только то, что сам видел и пережил, вплоть до мельчайших деталей. Если сам не пережил, то как можно передать свои впечатления зрителям? Вот как, по воспоминаниям писателя В.И. Немировича-Данченко, работал Верещагин: «Я удивился, что до такой степени поднялись нервы у Верещагина... Он не только рисовал: он собирал и свозил с полей целые груды пропитанного кровью тряпья, обломки оружия, мундиры турецких солдат. До некоторых из этих предметов было противно дотронуться, но такой реалист, как Верещагин, собственноручно связывал их в узлы и таскал к себе. Потом, осматривая его выставку, я понял, что В.В. не хотел рассчитывать на одну свою память, боясь погрешить хоть в мелочах против действительности»¹⁰. Можно сказать, что война у Верещагина – такая, которую видят ее участники, а не такая, как ее представляют читатели в книгах. Отсюда происходят столь полярные оценки его произведений: тот, кто не видел войны, отказывался верить в страдания людей и массовые жертвы, но тот, кто все это сам прошел, был

⁸ Меньшиков М.О. Выше свободы: Статьи о России. М., 1998. С. 42–43.

⁹ Переписка В.В. Верещагина и П.М. Третьякова. С. 44.

¹⁰ Цит. по: Булгаков Ф.И. В.В. Верещагин и его произведения. С. 94.

в восторге. Даже император Александр II, принимавший участие в Русско-Турецкой войне, ознакомившись с Балканским циклом Верещагина, грустно заметил: «Так все и было». Однако реализм не должен оставаться лишь копией действительности. Точность исполнения нужна для выражения идеи: «Следовательно, – заключает Верещагин, – я имею право считать себя представителем реализма, который требует самого строгого обращения со всеми деталями творчества и который не только не исключает идеи, но заключает ее в себе». Но в данном случае речь идет об «идее» не как наборе шаблонных представлений, а как впечатлениях художника, понятных его зрителю: «А между тем все эти картины, – продолжает Верещагин, – написаны мною без всякой предвзятой идеи, написаны мною лишь потому, что сюжеты их интересовали меня. Правоучение являлось в каждом данном случае впоследствии, как выражение верности впечатлений»¹¹. Получается, что автор передает нам свой склад мысли об увиденном, приглашая подумать вместе с ним и оценить его точку зрения.

Действительно, было бы глубоким заблуждением думать, что Верещагин просто писал то, что видел. Вернее было бы сказать, что он осмыслил то, что видел, и только потом переносил свои впечатления на полотно. Картины Верещагина – это не снимки войны, а рассказ мыслителя о войне. О том, как тяжело о ней размышлять, автор свидетельствует так: «В жар, в лихорадку бросало меня, когда я смотрел на все это и когда писал потом мои картины; слезы набегают и теперь, когда вспоминаю эти сцены, – а умные люди уверяют, что я “холодным умом сочиняю небылицы”... Подожду и искренно порадуюсь, когда другой даст более правдивые картины великой несправедливости, именуемой войною»¹². Наблюдение войны рождает у Верещагина особый взгляд на это действие. Далее мы будем реконструировать идейный склад исходя в большей степени из понимания его полотен.

Первое, что здесь обращает на себя внимание, – это акцент художника на обезличенном характере войны. Классическая батальная живопись ставила на первый план героя-вождя, который руководит массой людей и, следовательно, вершит историю. У героя должно быть мужественное выражение лица, решительная поза, запечатлевающая важность исторического момента. Как можно более четко должны быть написаны лица и позы солдат, которым передается импульс вождя. Совсем другое мы видим в военной живописи Верещагина: у него намеренно размыты лица; герои никогда специально не позируют, а находятся будто намеренно в неудобной для живописца позе. Сравним, к примеру, два полотна: В.В. Верещагина «Скобелев под Шипкой» и картину другого летописца Балканской войны Н.Д. Дмитриева-Оренбургского «Генерал Скобелев на коне». Многими замечено, что на картине Верещагина на первом плане изображены погибшие и только вдалеке – торжество победителей; таким образом художник показываем нам, какова настоящая цена победы. Но на картине Дмитриева-Оренбургского тоже на переднем плане есть погибшие; разница между двумя полотнами заключается именно в передаче образа главного героя. У Дмитриева-Оренбургского Скобелев летит в атаку на коне, возвышаясь над другими участниками действия. Его бесстрашие подчеркнuto

¹¹ Цит. по: *Булгаков Ф.И.* В.В. Верещагин и его произведения. С. 315, 323.

¹² *Верещагин В.В.* Скобелев. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в воспоминаниях В.В. Верещагина. М., 2007. С. 343.

согнутыми фигурами других солдат: пеших и конных, которые явно опасаются огня противника. Но генерал – сама решимость, мужество, воля, ведущая людей одновременно и на смерть, и к славе. Сабля, поднятая над головой, – как знамя, символизирующее победу. Однако при несомненном энергетическом и патриотическом заряде полотно грешит неправдоподобностью. Трудно представить, чтобы всадник, летящий вперед, смотрел не перед собой, а в сторону. В противном случае его конь посбивал бы других атакующих, а всадник мог бы опрокинуться на первом препятствии. Нет сомнения, что главный герой картины позирует живописцу и весь сюжет имеет небольшое отношение к реальной атаке. У Верещагина же главный герой полотна не позирует. Более того, его незначительная фигура теряется на значительном пространстве полотна, а лицо сливается с общим фоном гор. Черты лица практически не угадываются, размыты лица также у свиты Скобелева и солдат, стоящих в строю. Здесь тоже можно почувствовать быстроту и решительность генерала, но все же она изображена на фоне вечного спокойствия горных вершин, будто живописец намекает нам, что торжество от победы временно, а красота природы – вечна. Но все же главный вопрос, который хочется задать зрителю к художнику: почему он не изобразил мужественного лица Скобелева? Тем не менее никто не скажет, что картина – не реалистична; эффект присутствия здесь поражает. Сам генерал Скобелев, как свидетельствует брат Верещагина, «каждый раз приходил в великий азарт от картины, и, ежели при этом публики в зале было не особенно много, то бросался душить автора в своих объятиях. Я точно сейчас слышу, как он, обнимая брата, сначала мычит, а потом восклицает: “Василий Васильевич! Как я вас люблю!”, а иногда, в избытке чувств, переходил на “ты” и кричал: “тебя люблю”»¹³.

Обезличенность в виде отсутствия четко прописанных лиц героев можно считать одной из самых важных отличительных черт военной живописи Верещагина. Нет лица у погибающего от мороза часового в трагическом триптихе «На Шипке все спокойно», хотя, кажется, напрашивалось изобразить мужественное лицо солдата, не оставившего свой пост. Словно драпировкой покрыты лица погибших на полотне «Панихида. Победенные»; будто среди страданий раненых теряются лица на полотне «После атаки. Перевязочный пункт под Плевной». Но, пожалуй, самым показательным изображением в этом плане можно считать этюд «Переход колонны М.Д. Скобелева через Балканы», где трудно понять, где люди, где животные, где даже деревья: все сливается в едином размытом пейзаже. Обезличенность людей на войне достигается художником благодаря разным приемам: здесь и дымка, и падающая тень, и неудобные для демонстрации лица позы, и смещение людей на отдаленный план. Эта тенденция столь явная, что на ум приходит удивительная аналогия: на «Апофеозе войны» каждый из изображенных в фас ухмыляющихся черепов, несомненно, имеет свое лицо, но герои войны, живые, раненые и погибшие, своих ясных лиц не обрели. И дело совсем не в том, что якобы художник не был склонен писать портреты; и в Туркестанской, и в Гималайской сериях у Верещагина есть несколько блестящих портретов. Скорее всего, речь идет о философском понимании художником войны. Здесь уместно будет провести параллель с мировоззрением Л.Н. Толстого,

¹³ *Верещагин А.В.* За границей. URL http://az.lib.ru/w/wereshagin_a_w/text_1895_zh_granitzey_oldorfo.shtml (дата обращения: 18.06.2018).

для которого война также представлялась как обезличенная, бессознательная сила, влекущая массы людей, не понимающих, что происходит. Почему-то они должны считать врагом и уничтожать тех, кого не знают и кто им лично не сделал ничего плохого. Сходные мотивы в творчестве двух русских художников находил А. Бенуа, полагавший, что «Верещагин повторил затем в живописи то, что было сделано Толстым в литературе»¹⁴. В.В. Стасов утверждал, что во время работы над Балканским циклом Верещагин читал «Войну и мир», хотя сам живописец отрицал значительное влияние Толстого¹⁵. Также, согласно Стасову, Л.Н. Толстой очень высоко оценил рукопись книги В.В. Верещагина «На войне в Азии и Европе», сказал, что ее автор «художественный историк войны, которого не было – поэтический и правдивый»¹⁶, и пожелал, чтобы книга была опубликована. Сходство в понимании войны Толстого и Верещагина прослеживается в отношении героя и разыгрывающихся вокруг него событий. У автора «Войны и мира» часто герои, обладающие глубоким внутренним миром, наблюдают войну со стороны, можно сказать, отстраненно, видя движение масс и действия отдельных людей. Значительно реже встречаются описание боев или деятельности, характерной именно для войны. То же самое и у Верещагина, только место литературного героя занимает сам живописец. Он мог бы написать картину с рассказом, как сам шел в атаку и дрался под Самаркандом врукопашную, но его сюжеты – это также будто впечатления отстраненного наблюдателя, видящего движение значительной массы людей. Возможно, исключение составляет полотно «Перед атакой. Под Плевной», где зрителю передается нервозность бойцов, замерших в ожидании сигнала, но и здесь открывается широкая перспектива на поле предстоящей битвы. Скорее всего, наблюдатель не двинется вместе с войсками, а будет наблюдать происходящее со стороны. Эта отстраненность, позиция наблюдателя, стремящегося найти наилучшую точку для обозрения, также помогают живописцу подчеркнуть обезличенность участников войны: толпа двинется по сигналу, а размышляющий над происходящим человек останется на месте.

Но еще больше толстовские мотивы в творчестве Верещагина проявляются в другом мотиве его живописи: в принижении роли исторических личностей. У Толстого знаменитые вожди показаны как обычные люди, которые ложно убеждены в том, что вершат мировые события. На самом деле массами людей движут смутные идеи, а цари и полководцы возвеличиваются в массовом сознании для того, что впоследствии свалить на них ответственность. В классической батальной живописи было принято ставить исторических личностей либо в центр композиции, либо располагать все действие вокруг них. Но у Верещагина совсем иной взгляд. Во-первых, известных исторических персонажей на его полотнах не так много. Удивительно, но даже М.Д. Скобелев, с которым художник дружил и прошел с ним вместе большую часть Балканской войны, изображен у него лишь на одном полотне и, как мы уже видели, в отдалении. Еще более удивительно, что Верещагин, посвятивший Скобелеву такие подробные и теплые воспоминания¹⁷, не написал его портрета. Зато в мемуарах

¹⁴ Бенуа А. История русской живописи в XIX в. М., 1995. С. 284.

¹⁵ Булгаков Ф.И. В.В. Верещагин и его произведения. С. 93.

¹⁶ Толстой Л.Н. Собр. соч.: в 22 т. Т. 19–20. М., 1984. С. 26.

¹⁷ Верещагин В.В. Михаил Дмитриевич Скобелев, 1870–1882 // Верещагин В.В. Скобелев. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в воспоминаниях В.В. Верещагина.

у него получились замечательные литературные образы отца и сына Скобелевых, где также в толстовской манере показано много интересных бытовых деталей из жизни полководцев, предстающих перед читателями не историческими личностями, а обычными людьми. Так, генерал Скобелев-старший сам готовит обед, причем «от непрерывного пробования вся борода его покрывалась салатными листьями»¹⁸, а генерал Скобелев-младший во время прогулки с друзьями по Бухаресту встречным барыням показывает язык¹⁹.

Сам Император Александр II, находившийся в расположении русской армии во время Балканской войны, официально изображен художником дважды: на картине «Александр II под Плевной 30 августа 1877 г. (Царские именины)» и на рисунке «Александр II под Плевной». На первом полотне художник в своем стиле изобразил Императора издалека, с неясными чертами лица и, как известно, впоследствии обрезал картину, возможно, для того, чтобы царь со свитой не находились в центре. На рисунке черты лица императора более ясные, но сидит он явно не в героической позе, изображая из себя скорее почетного гостя, а не полководца. И такого гостя, которого неуместный доклад отвлекает от интересного зрелища. Но есть также основания предположить, что Александр II изображен на картине «Плевна. Перед атакой», где рассказывается о нашей неудачной атаке на Плевну 30 августа, в которой один брат В.В. Верещагина Сергей был убит, а второй Александр ранен. Самодержец написан крайним слева, смотрящим в бинокль, в группе полководцев, с опаской наблюдающей за полем будущей битвы и явно скрывающейся за спинами своих солдат. Едва заметный, осторожничающий Император – это шло вразрез со всеми канонами батальной живописи. Неслучайно, что именно эту картину П.М. Третьяков не хотел везти на выставку в Санкт-Петербург в 1883 г.

Но самой большой обструкции на полотнах Верещагина подвергается Наполеон. В комментариях к серии картин «1812 год» художник отмечает, что «искусство сравнительно отсталое в умственном отношении, как требующее трудной специальной техники, – до сих пор почти не затрагивало Бонапарта-человека, пробавляясь Наполеоном-гением, полубогом, стоящим вне условий места, климата и законов человеческой жизни»²⁰. Верещагин же ставит цель показать Наполеона не сверхчеловеком, а жертвой его собственной авантюры. Отметим, что в этом цикле полотно художник отходит от своего главного принципа реализма, поскольку не мог быть свидетелем Отечественной войны 1812 г. Но, собирая материал, он изучил значительное количество воспоминаний очевидцев. Кроме того, у позднего Верещагина усиливается патриотическая составляющая. Если в раннем Туркестанском цикле противники русской армии написаны с сочувствием (если не с восхищением), в Балканском цикле – с меньшим, но все же сочувствием (как жертвы войны), то в полотнах, посвященных Отечественной войне, армия Наполеона показана как банда мародеров («В Успенском соборе») и убийц мирного населения («Поджигатели. Расстрел в Кремле»), которую потом настигает справедливая кара («Ночной привал Великой армии»). С другой стороны, ярко показан русский народ, восставший против захватчиков. Здесь – еще отступление от своих принципов: мужествен-

¹⁸ *Верещагин В.В.* Михаил Дмитриевич Скобелев, 1870–1882. С. 29.

¹⁹ Там же. С. 34.

²⁰ *Верещагин В.В.* Повести, очерки, воспоминания. М., 1990. С. 303.

ные лица ополченцев и партизан написаны достаточно точно; каждому придано свое выражение («Не замай! – Дай подойти!»). Наполеон же показан как человек запутавшийся, растерянный, потерявший управление своим войском и в итоге думающий только о своем спасении. На уникальной по исполнению картине «Наполеон I на Бородинских высотах» французские маршалы увлеченно следят за битвой, в то время как Император, сидя на стуле и положив ноги на барабан, отрешенно глядит перед собой. Сцена наводит на мысль, что завоеватель уже все понял и предвидит бесславный конец похода. Триумф Наполеона, который вот-вот займет Москву, показан с привычной верещагинской иронией («Перед Москвой: в ожидании депутации бояр»): герой стоит спиной к нам, в дымке, а на заднем плане ликуют его солдаты. Поза Наполеона выдает крайнюю настороженность: победа под Бородино не придала ему уверенности в успешном завершении войны. В Москве же Императором овладевает паника («В Кремле – пожар!»); художник показывает, как великий завоеватель в страхе закрывает лицо, в то время как солдаты выводят его особу из огня. В итоге все заканчивается паническим бегством и неотвратимой расплатой за преступления; пожалуй, впервые после «Апофеоза войны» на полотнах Верещагина появляется столь явный моралистический сюжет. С первого взгляда может показаться, что на полотне «На большой дороге – отступление, бегство...» мы наблюдаем организованный отход армии, но, посмотрев внимательно, мы понимаем: это уже не армия, а просто обезличенная толпа. О ее судьбе свидетельствуют запорошенные снегом останки тех, кто уже пытался убежать, и еще множество хищных птиц, парящих в небе, несмотря на лютый мороз. Но кара, которая постигнет вооруженную толпу, не коснется ее вожака. Наполеон, на взгляд художника и вопреки мнению некоторых подобострастных летописцев, утверждавших, что император отступал со своей армией чуть ли не в летнем сюртуке, неплохо позаботился о самосохранении. Верещагин изображает его в теплой шубе и шапке, и его одежда выглядит шикарно в сравнении с одеянием замерзающих солдат. На портрете-карикатуре «Наполеон в зимнем одеянии» завоеватель изображен крайне испуганным, с женскими чертами лица и явно тоскующим по утраченному комфорту.

Но если ни исторические личности, ни отдельные люди не являются главными действующими лицами военной живописи Верещагина, то кто или что ими являются? На наш взгляд, главный герой – это масса людей. На классической батальной живописи массы как таковой нет; живописец старается изобразить даже значительное множество состоящим из отдельных действующих лиц. У Верещагина, как мы видели, это не так: масса – обезличена. И, казалось бы, она может быть изображена как страшная вооруженная толпа, движимая инстинктом уничтожения. Но у художника масса – хрупкая, уязвимая и заслуживает исключительно жалости. Тем более заслуживает жалости человек в толпе. У тех, кто не бывал на войне, есть иллюзия, что в многочисленном строю человек становится сильнее и может свернуть горы, но это именно иллюзия. Грозно, но очень уязвимо выглядит масса солдат («Плевна. Перед атакой»), и гибнет она очень быстро («Панихида. Победенные»). Причем гибнет быстрее, чем отдельный человек. Разбитое подразделение перестает быть массой, как только обратилось в бегство; ее уже не существует как единства, но отдельные бойцы могут выжить. А после гибели не исключено, что убитых ждет издевательство («Победители»,

«Торжествуют»). Об отдельном человеке есть кому поплакать, но кто будет скорбеть по целому утраченному войску? Для командования его гибель – просто цифры потерь, неизбежная неприятность, сопровождающая красивое зрелище битвы, для однополчан – неудача, происходящая, по-видимому, от недостатка храбрости погибших. Неслучайно, что на полотне «Панихида. Победенные» лишь два человека – священник и офицер – пришли проводить в последний путь сотни погибших воинов. И только живописец пригласил всех нас почтить их память, запечатлев сцену на полотне. А если покалеченным в безумной атаке удастся выжить, то они составляют другую массу – раненых, которым требуется помощь. Но на картине «После атаки. Перевязочный пункт под Плевной» мы видим так много страдания и так мало сострадания! Начальство предусмотрело лишь несколько госпитальных палаток для раненых, но, по воспоминаниям Верещагина, на его вопрос, сколько раненых прибыло после третьего штурма Плевны, доктор ответил: «...пока идет *восемья* тысяча»²¹. На изображении непонятно, где раненые, где уже умершие, а где медики и есть ли они там вообще: все сливается в единую массу страждущих. И, судя по всему, помощи ждать неоткуда: единственное – видно, как бойцы помогают друг другу, но очевидно также, что многие из них умрут. И не исключено, что вместо помощи можно дожидаться прорыва противника или шального снаряда, о чем напоминают пожары на заднем плане. Но даже те немногие, кто готов прийти на помощь раненым солдатам, рискуют не меньше их. Главная героиня повести В.В. Верещагина «Литератор» Наташа умирает от тифа, подхваченного в госпитале. Однако у наших противников дело обстоит еще хуже: там вообще никто не заботится об умирающих («В турецкой покойнице»). По воспоминаниям В.И. Немировича-Данченко, Верещагин стал одним из немногих, кто отважился составить ему компанию при посещении так называемого «турецкого госпиталя», где среди тысяч уже умерших доживали в агонии несколько сотен раненых²².

Нет сомнения, что в творчестве Верещагина есть и толстовские, и гуманистические мотивы. Но все же Верещагин – не толстовец; его мировоззрение иное. Для Л.Н. Толстого, особенно в поздний период его творчества, война – это однозначное зло, тиранья злых людей над добрыми, но для живописца она скорее сродни жизненным невзгодам, которые можно считать злом. И как в жизни разные люди по-разному воспринимают выпадающие на их долю испытания, так и на войне встречаются разные типы поведения. У порядочных людей война высветит и усилит их лучшие качества, а у непорядочных – лишний раз подчеркнет их подлость. Надо признать, что обыденность реалий войны в описаниях Верещагина соседствует с восхищением храбростью ее некоторых персонажей, а описание ее ужасов – с героическими сюжетами. Художник восхищается мужеством русских солдат, обороняющих Самарканд против значительно превосходящих сил противника; спокоен и уверен в себе командир миноносца «Шутка» Н.И. Скрыдлов, атакующий турецкий монитор под непрерывным огнем противника, а вот и М.Д. Скобелев медленно, без намека на страх, идет под убийственным обстрелом неприятеля, даже не ду-

²¹ Верещагин В.В. Скобелев. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в воспоминаниях В.В. Верещагина. С. 126.

²² Немирович-Данченко В.И. Художник на боевом поле: воспоминание о В.В. Верещагине в войну в 1877–1878 гг.). URL https://www.booksite.ru/vereschagin/6_34.html (дата обращения: 16.06.2018).

мая пригнуться к земле, чтобы хоть как-то защититься от пуль. Героически выхаживают раненых в госпитале сестры милосердия, наконец, поражает героизм обычных солдат. На полотне из ранней Туркестанской серии «Нападают врасплох» показано, как к бойцам, отражающим атаку, выбегают из палатки на помощь их товарищи; не убегают от численно превосходящего противника, а именно бегут, чтобы стать в строй. И даже сам Император в воспоминаниях Верещагина предстает перед нами добрым, отзывчивым человеком, когда навещает раненого художника в госпитале.

Нет сомнения, что война Верещагину также представляется более сложным, чем в понимании пацифистов и гуманистов, явлением. Она – не зло, существующее по воле жестоких людей, а скорее грозное явление природы, стихийное бедствие. Недаром на его полотнах природные ландшафты и явления играют такую значительную роль. Их справедливо назвать вторым, после массы людей, главным действующим лицом полотен Верещагина. Гроза оплакивает павших воинов («Побежденные. Панихида»), метель хоронит замерзающего часового («На Шипке все спокойно») и остатки французской армии («Ночной привал Великой армии»), мороз сопровождает бегство Наполеона из России («На большой дороге. Отступление, бегство»), безжалостный зной царит над «Апофеозом войны», величественные горы наблюдают не только торжество подразделения Скобелева, но и смертельную схватку («Нападают врасплох»). И так же, как вечны явления природы, так же, к сожалению, вечна и война. Давно замечено, что на одном из самых известных полотен художника «Смертельно раненый» тень солдата и лежащее рядом ружье со штыком символизируют часы – символ вечности. Война будет сопровождать человечество всегда, и с этим ничего не поделаешь. Но может быть в войне есть что-то хорошее, быть может, она через скорбь и страдания ведет к чему-нибудь светлому? Например, еще к Аристотелю восходит надежда, что война ведет к миру на новых, более разумных условиях и, в сущности, война ведется ради этого мира. Но применительно к мировоззрению В.В. Верещагина создается впечатление глубокого пессимизма: война будет вечно, но ни к чему хорошему она не ведет. Ярче всего эту идею художник выразил на полотне «Дорога военнопленных», где зимний путь, кажущийся бесконечным, усеян останками погибших турецких солдат. Они погибли не в бою, а, будучи пленными, замерзли при переходе с одного сборного пункта на другой. В сущности, это и есть главный результат войны. Если был бы возможен другой результат, то художник скорее всего изобразил бы его в виде города, или другого мирного объекта, лежащего в конце пути. Но дорога идет просто за ближайший бугор, т. е. в никуда. Ощущение пустоты (говоря по-философски «ничто») сопровождает почти все батальные картины Верещагина. Изображение людей занимает не всю, а часто меньшую площадь полотна; остальное – это пространство, занятое природными пейзажами, но при этом навязчиво напоминающее нам о пустоте и, как следствие, о бессмысленности усилий воюющих. Получается, что бы они ни делали, все равно все закончится в будущем новой войной.

Подводя итоги, необходимо отметить, что художественное мировоззрение В.В. Верещагина несомненно является философским. Глубоко неправы те, кто называет живописца «военкором»²³. Верещагин не передает события войны

²³ Первый военкор: чем картины Верещагина пугали петербургскую публику. URL <https://ria.ru/culture/20180309/1515792266.html> (дата обращения: 5.06.2018).

как репортер, а осмысляет события войны и только после этого транслирует их нам. Идейный склад его философии поистине безграничен. На наш взгляд, было бы неправильно называть Верещагина исключительно «философом войны». Война как явление жизни вписана у него в широкий контекст окружающей культуры, которую он также глубоко понимал. Но поскольку свою философию он выражал на художественном языке, то его мировоззрение допускает множество интерпретаций. Некоторые свои полотна он комментировал в литературных произведениях, но очевидно, что картины передают нам больше впечатлений, чем слова. Сила этих впечатлений, несомненно, будет побуждать к новым исследованиям идейного мира В.В. Верещагина.

Список литературы

- Бенуа А.* История русской живописи в XIX в. М.: Республика, 1995. 448 с.
Брешко-Брешковский Н.Н. Русский художник В.В. Верещагин. СПб.: Типо-литогр. М. Карлина, 1904. 56 с.
Булгаков Ф.И. В.В. Верещагин и его произведения. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1905. 197 с.
Верещагин В.В. Повести, очерки, воспоминания. М.: Сов. Россия, 1990. 349 с.
Верещагин В.В. Скобелев. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в воспоминаниях В.В. Верещагина. М.: ДАРЪ, 2007. 496 с.
Меньшиков М.О. Выше свободы: Статьи о России. М.: Современ. писатель, 1998. 458 с.
Переписка В.В. Верещагина и П.М. Третьякова. М.: Искусство, 1963. 138 с.
Стасов В.В. Верещагин об искусстве // *Стасов В.В.* Изб. соч.: в 3 т. Т. 3. М.: Искусство, 1952. С. 18–32.
Толстой Л.Н. Собр. соч.: в 22 т. Т. 19–20. М.: Худож. лит., 1984. 875 с.

War in Vasily Vereshchagin's philosophical worldview

Alexei A. Skvortsov

Lomonosov Moscow State University. 27/4 Lomonosovskiy av., Moscow, 119991, Russian Federation
e-mail: lambis@mail.ru

The paper is devoted to the analysis of Vasily Vereshchagin's (1842–1904), the greatest Russian battle painter, ideas concerning war. Based on the analysis of paintings, as well as Vereshchagin's literary and journalistic works, the paper shows that his worldview was rather original and can be defined properly as philosophical one. Vereshchagin's work paradoxically combined humanistic, pacifist and militarist-patriotic motives. The ideological frameworks of Vereshchagin's paintings was formed under the influence of what he saw on numerous voyages. The painter identified his independent point of view as realism.

The peculiar features of Vereshchagin's paintings are the depersonalization of military subjects' heroes, placing them in deliberately uncomfortable poses. In Vereshchagin's attitude to the war one can discern the influence of Leo Tolstoy, who emphasized the importance of the unconscious forces driving people in the war. Tolstoy's motif is also appeared in the ironic vision of well-known historical figures. The author concludes that Vereshchagin considered the war as a natural disaster that will always accompany the development of society. But Vereshchagin is interested not only in the problem of war itself, but even more the situation

of a human being in the war. As we can see from his paintings, in the face of grave danger a person can show his/her best qualities. But the war itself, as the movement of the crowds, realizing armed violence, in the Vereshchagin's thought, cannot lead to anything good.

Keywords: Vasily Vereshchagin, war, philosophy of war, painting, humanism, militarism, realism, crowd

References

- Benua, A. *Istoriya russkoy zhivopisi v XIX veke* [The history of Russian painting in the XIX century]. Moscow: Respublika Publ., 1995. 448 pp. (In Russian)
- Breshko-Breshkovskiy, N.N. *Russkiy hudozhnik V.V. Vereschagin* [Russian painter Vasily Vereshchagin]. St. Petersburg: Karlin' Publ., 1904. 56 pp. (In Russian)
- Bulgakov, F.I. *V.V. Vereschagin i ego proizvedeniya* [Vasily Vereshchagin and his works]. St. Petersburg: Suvorin's Publ., 1905. 197 pp. (In Russian)
- Menshikov, M.O. *Vyishe svobody: Stati o Rossii* [Above freedom: Articles about Russia]. Moscow: Sovremenniy pisatel' Publ., 1998. 458 pp. (In Russian)
- Perepiska V.V. Vereschagina i P.M. Tretyakova* [Correspondence of V. Vereshchagin and P. Tretyakov]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1963. 138 pp. (In Russian)
- Stasov, V.V. "Vereschagin ob iskusstve" [Vasiliy Vereshchagin about art], in: V.V. Stasov. *Izbrannyye sochineniya v 3-h tomah* [Selected works in 3 volumes], Vol. 3. Moscow: Iskusstvo Publ., 1952, pp. 18–32. (In Russian)
- Tolstoy, L.N. *Sobr. soch.: v 22 t.* [Collected works in 22 vols.], Vol. 19–20. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1984. 875 pp. (In Russian)
- Vereschagin, V.V. *Skobelev. Russko-turetskaya voyna 1877–1878 gg. v vospominaniyah V.V. Vereschagina* [Skobelev. Russian-Turkish War in Vasily Vereshchagin's memoirs]. Moscow: Dar Publ., 2007. 496 pp. (In Russian)